

Ольга Ерёмина
Николай Смирнов



СИМВОЛИЗМ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ольга Ерёмина

**Символизм в русской литературе.
К современным учебникам
по литературе. 11 класс**

«Еремина Ольга Александровна»
«Смирнов Николай Николаевич»

2017

Ерёмина О. А.

Символизм в русской литературе. К современным учебникам по литературе. 11 класс / О. А. Ерёмина — «Ерёмина Ольга Александровна», «Смирнов Николай Николаевич», 2017

ISBN 5-472-00874-3

Книга посвящена русскому символизму, включает в себя характеристику символизма как наиболее яркого литературного направления Серебряного века, статьи по наиболее актуальным темам поэзии символистов, фрагменты из литературных манифестов символистов и акмеистов, стихотворения наиболее ярких представителей символизма и суждения о символизме русских философов. Даны разборы отдельных стихотворений, «Хроника символизма», которая рассказывает о важных фактах и явлениях литературной жизни в хронологическом порядке. Книга будет полезна учителям литературы, старшеклассникам, абитуриентам и студентам филологических факультетов.

ISBN 5-472-00874-3

© Ерёмина О. А., 2017

© Ерёмина Ольга Александровна, 2017

© Смирнов Николай Николаевич, 2017

Содержание

От авторов	6
Раздел I. Русский символизм	8
Серебряный век русской культуры	8
Символизм как ведущее творческое направление Серебряного века	11
Сквозные темы в стихотворениях поэтов-символистов	13
Символ и слово	13
Противоречия культурного развития	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Ерёмина, Николай Смирнов
Символизм в русской литературе.
К современным учебникам
по литературе. 11 класс

© Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н., 2017

От авторов

Уважаемый читатель! Потребность составления этой книги возникла из желания наглядно показать процесс возникновения и развития этого литературного направления. Преобразование символизма европейского, декадентского толка в собственно русский символизм, ставший уникальным явлением не только литературной, но и общественной жизни, происходило на грани XIX и XX веков под влиянием философских идей, в особенности идей Владимира Соловьёва.

В первом разделе даны краткий очерк литературы Серебряного века, характеристика символизма как ведущего направления Серебряного века. Особое внимание уделено сквозным темам в стихотворениях символистов и тех поэтов, которые в своём творчестве отталкивались от символизма.

Во втором разделе даны фрагменты из манифестов символизма и акмеизма как течения, пришедшего на смену символизму. Литературные манифесты стали необходимыми именно потому, что символизм вышел за пределы только словесного творчества: для целого поколения людей он стал мировоззрением, основой жизнетворчества – изменения жизни по законам Красоты. Идеи программной статьи Д. Мережковского, написанной в 1893 году, десять лет спустя развивает В. Брюсов, делая акцент на первенствующей роли искусства как способа познания мира. К. Бальмонт в 1900 году подчёркивает значение «расширения художественной впечатлительности»; Андрей Белый в 1910 году словно подводит итоги двадцатилетию развития символизма в России. Акмеисты, провозглашая свою позицию, начинают с анализа настоящего положения в литературной школе символизма, формулируют задачи нового литературного течения.

Литературные манифесты дадут возможность рельефно представить не только различные направления развития символизма, но и образ мышления авторов этих манифестов, выраженный в построении логических цепочек и стилистике.

Подбор стихотворений отражает, с одной стороны, личные особенности творчества названных поэтов, с другой стороны, отражает сквозные темы их творчества: взаимодействия различных культур, судьбы России, отношения к истории, земле и Слову.

Тема символа как явленного знака скрытой истины представлена в стихотворениях Вл. Соловьёва («Милый друг, иль ты не видишь...»), Д. Мережковского («Детское сердце»), З. Гиппиус («Швея»), М. Волошина («Ступни горят, в пыли дорог душа...»). С проблематикой символа переплетается тема Слова, наиболее ярко проявляющаяся в стихотворениях Вл. Соловьёва («О, как в тебе лазури чистой много...»), В. Брюсова («Родной язык»), Н. Гумилёва («Слово»).

Представители Серебряного века особенно остро ощущали различие между культурами, чувствовали трагические последствия, к которым могло привести дальнейшее увеличение разрыва. Вслед за Вл. Соловьёвым об этом пишут Д. Мережковский («Morituri»), Вяч. Иванов («Кочевники Красоты»), В. Брюсов («Грядущие гунны»), М. Лохвицкая («Во тьме кружится шар земной...»), А. Блок («Скифы»). Проблема взаимодействия культур направила внимание поэтов на судьбу земли, заставила ощутить глубинную связь со своими корнями. Наиболее выразительно эта тема проявилась в произведениях Вл. Соловьёва («Земля – владычица! К тебе чело склонил я...»), В. Брюсова («У земли»), М. Волошина («Быть чёрною землёй. Раскрыв покорно грудь...»).

Трагические события истории России, свидетелями и участниками которых стали поэты всех литературных направлений, раздумья над будущим страны вызвали целый ряд ярких и глубоких стихотворений, наиболее известные из них – стихотворения З. Гиппиус («Всё кругом», «Нет»), Ф. Сологуба («Россия»), В. Брюсова («По меже»), А. Белого («Родине»),

А. Блока («Россия»), С. Городецкого («Нищая»), А. Ахматовой («Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»), В. Ходасевича («Путём зерна»).

Все эти стихотворения включены в книгу, что поможет составить представление о самых острых темах поэзии Серебряного века.

Творчество символистов вызывало широкий общественный резонанс. Нам показалось важным представить не только размышления представителей направления о себе, но и наблюдения, и критические отзывы наиболее внимательных и глубоких читателей-современников, которыми часто оказывались знаменитые русские философы: Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. В. Розанов, Г. П. Федотов и другие. Даниила Андреева нельзя назвать современником символизма, но его мысли, его глубина проникновения в эпоху вызывают особый интерес.

В хронике хотелось отразить контрапункты¹ развития символизма, прочертить силовые линии, которые направляли движение мысли и творческие искания главных его представителей.

Наиболее подробно прослежена жизнь и творческая судьба «старших» и «младших» символистов, задававших тон звучания русской литературной мысли: Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба; А. Белого, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова. Творческие судьбы других (например, М. Лохвицкой, Ю. К. Балтрушайтиса, Н. Минского) прослежены именно в контрапунктах. Особое внимание хотелось уделить идеям Вл. И. Соловьёва и развитию этих идей в работах символистов. О Н. С. Гумилёве, М. А. Волошине, А. А. Ахматовой, С. М. Городецком и других упоминается в связи с тем, что их творчество во многом «выросло» из символизма. Отдельно хотелось сказать о людях, которые мало известны своим творчеством, но оказали большое влияние на литературный процесс идеями и образом жизни: это Маша Добролюбова и Г. И. Чулков. Включение в сборник стихов Н. К. Рериха обусловлено его известностью и большой ролью в общественной жизни страны до революции. Н. К. Рерих широко общался с А. А. Блоком, А. М. Горьким и Л. Н. Андреевым (отцом Даниила Андреева), и оказал на них серьёзное влияние. Н. К. Рерих не принадлежал к внутривокальному кружку символистов, но стихи его, как и всё творчество, глубоко символично.

Хроника не претендует на исчерпывающую полноту. Это рабочий материал, который, надеюсь, поможет прояснить непонятное и подскажет направление поиска.

В раздел «Символизм в школе» вошли методические рекомендации и разборы отдельных стихотворений. Основное внимание уделено выявлению их проблематики и художественных особенностей, направленных на более глубокое раскрытие авторского замысла.

¹ Контрапункт – (муз.) одновременное сочетание двух или более самостоятельных мелодий в разных голосах. В литературе – одновременное сочетание двух или более самостоятельных тем в одном произведении.

Раздел I. Русский символизм

Серебряный век русской культуры

В конце XIX века вся русская культура переживала череду кризисов. Становилось необходимо осмыслять те стремительные изменения в жизни и общественном сознании, которые происходили на глазах у одного поколения. Перемены были и впрямь катастрофичны – разрушалось веками складывающееся патриархальное общество, порождая совершенно новые отношения, новые приоритеты и стимулы существования.

Становилось всё более насущной необходимостью откликнуться на призывный зов времени, рассказать правду о нём. Но сначала эту правду надо было открыть в себе, понять самому всю неотвратимость происходящего, ощутить всем напряжением мысли и чувства, какое место в *общем* процессе мировой жизни занимает вступающий в свои права новый, XX век. Этот вопрос встал в центр внимания целой эпохи в культурной жизни страны – эпохи, получившей наименование Серебряного века.

Серебряный век – не научный термин, а, скорее, метафора, смысл которой раскрывается в сравнении с другой эпохой – золотым веком русской литературы, пушкинским веком классической чистоты и ясности. Серебряный век, как колокол, звенит напряжённым ожиданием перемен. Границы его в литературе определяются традиционно и достаточно условно: с 1892 года – с момента выступления Мережковского с лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» – до 1917 года, до момента гибели Российской империи.

Уже Л. Н. Толстой увлечённо изучал философию Шопенгауэра – одного из первых вестников будущего, уже Достоевский писал пророческие заметки «человека из подполья», предвосхищая в художественном творчестве торжество психоанализа, уже мучился страхом перед неизвестным, но неотвратимым «русский Ницше» – Константин Леонтьев. Странный библиотечарь Фёдоров уже сочинял свою «Философию общего дела», притягивая необычностью своей личности Толстого и молодого Владимира Соловьёва. И сам Владимир Соловьёв, как самый молодой и чуткий к будущему, писал стихи, которые чуть позже лягут в основу нового литературного направления, в основу нового стиля всей жизни.

Классическое изучение французской и немецкой философии не могло удовлетворить ищущие умы. Их изучали полвека, и что же? – ничего не изменили, ничего не решили, а если и решили, то в своём, уходящем мире, мире тесном и неторопливым, словно тихая заводь, прозрачная бухта бесконечного океана. Эта бухта была прелестна, и её описатели достойны уважения. Но не более того. Уже надвигалась громада узкого пролива. Сцилла и Харибда грозили смять и уничтожить гармоничную триеру прежних представлений о жизни. Но этим проливом всё только начиналось. Впереди, в бушующих бурунах вскипающих валов, приводимых в движение таинственными глубинными токами, люди обнаруживали неизведанные просторы, страшные своей бескрайностью. Потеря ориентира и отчаянная попытка угадать, обнаружить его, заново понять смысл, цели и пути, ведущие к этим целям – вот что вставало на пути любой попытки осмысления мира.

«Стучащемся да откроется!..» Новое нельзя было сказать по-старому, потому что по-старому о новом говорили такие титаны, как Толстой и Достоевский, Чехов и Тютчев. Но для молодых их голоса были рефлексией уходящего. Им же требовались координаты грядущего. Новое поколение изошрило все чувства, напрягло интуицию... Люди превратились в антенны, сознательно принимающие до того неизвестные сигналы из нового мира. Соблазн стать про-

роком был слишком велик, хотя лучшие представители оформляющегося мировоззрения и понимали эту опасность.

Осталась другая задача, с которой справились далеко не все, а полностью – почти никто. Стать посредником между таинственным миром, который вдруг приоткрылся, и остальным человечеством, при этом не потеряв трезвости и умения остаться собой, – сумели немногие. Лихорадочность поиска и опьяняющий энтузиазм открытий нарушил цельность многих сильных натур. Талантливые, творческие люди становились безвольными проводниками неких сил, в природе которых не могли разобраться из-за оглушающей волны «белого шума», сопровождающего всякую информационную революцию. На лезвийной, струящейся грани проще было удержаться тем, кто воспитывался на классической философии и обратил свой новаторский интерес в область тончайшей метафизики.

Одно из поразительных достижений Серебряного века и символизма как его ярчайшего проявления – течение *имяславия*, ставшее фактически синонимом зарождения в России богословской традиции. Флоренский, Булгаков, молодой Лосев, выросшие на феномене Владимира Соловьёва, а также другие молодые философы смогли оживить многие старые представления и дать их детальную разработку в глубоко религиозном духе. Их чеканные произведения представили миру поразительное явление русской религиозной философии. Новое оказалось с удивительным мастерством влито в старые мехи; с позиций глубокого философского анализа, производимого в русле традиционного православия, состоялась переоценка прошлого и намечены искомые ориентиры на будущее.

Однако властная сила нового времени была неумолима. В жизнь вторгались тысячи частных, взаимное переплетение различных сторон жизни достигло невиданной густоты. Мощное развитие науки как альтернативного религиозному способу познания мира привело к созданию совершенно новых концепций, описанных языком, далёким от каких бы то ни было традиций и авторитетов. Идея всеохватного сознательного синтеза как естественного противовеса стихийной специализации завладела мощнейшими умами. Именно в это время Владимир Иванович Вернадский закладывает краеугольные камни в своё учение о ноосфере. Будучи гениальным учёным, он преодолевает в своём творческом поиске классическую ограниченность частных наук и выводит новый принцип научной работы: *специализация не по наукам, а по проблемам*. В это же время Циолковский создаёт первые чертежи космического корабля, а молодой Чижевский вычерчивает кривые зависимости всего живого на планете от солнечной активности. Практическая наука впервые вышла за пределы земного шара. Сформулированная Эйнштейном теория относительности оказалась морфологически родственна открытиям Фрейда о роли в жизни человека таинственных сил бессознательного. Мир распахнулся не только вширь, но и вглубь, в том числе вглубь самого человека.

Деятели искусства, каждый по-своему, тоже устремились в головокружительное плавание. Они нащупали источники огромных энергий, впустили их в себя (или пробудили в себе), подобно тому как физики вплотную подошли к расщеплению атома. Могущество зачаровало многих, и тогда они стали служить этой силе, неразборчиво принимая её за последнюю правду мира. В этом выявился глубинный раскол их душ.

Высочайшая дисциплина мысли, отливающаяся в предельных своих проявлениях в духовную зоркость, была свойственна учёным и философам-богословам. Художественное же осмысление мира не даёт само по себе чётких нравственных критериев, а незнакомое яркое чувство с трудом облекается в подходящие формулировки. Фактически вся литература Серебряного века – это попытка выразить принципиально новое время, закорить его в пространстве с определёнными координатами. Поиск наиболее адекватных форм создал причудливые зигзаги череды художественных открытий. В музыке это был прежде всего Скрябин, в живописи – Чюрленис и Рерих, отдавший также должное и поэтическому творчеству, в прозе – Горький и

Бунин, в поэзии... поэтов было много. И каждый старался заявить о себе, успеть высказаться, избавиться от переполнявших душу впечатлений. Выйти из бушующего потока и понять его заданность были готовы немногие, но страстных искренних попыток было совершенно немало.

Одно было неукоснительно ясно: то, что раньше было уделом чудаков-одинок и святых, теперь вторгалось в обычную жизнь многих тысяч. *Действительность, просвечивающая сквозь очевидность*, – вот что стало общей темой творческих изысканий в самых различных областях.

Внешние покровы кажущейся стабильности спадали клочьями при мало-мальски внимательном рассмотрении, нечто невидимое дохнуло инобытийностью, многомерность мира перестала быть эзотерической тайной. Всё вокруг предстало как бы подсвеченным изнутри, весь видимый мир превратился в символ мира невидимого. Так родился *символизм*.

Символизм как ведущее творческое направление Серебряного века

В существующих ныне учебниках поэзия Серебряного века подаётся как три основных направления, три равноценных «луча»: символизм, акмеизм и футуризм. Важно понимать, что на одну доску эти явления ставить нельзя.

Символизм зародился в недрах вечно ищущего реализма как течение, призывающее сделать акцент на индивидуальном и духовном в противовес общественному и материальному, даже физиологичному, преобладавшему тогда в реализме. Впервые появившись в России в стихах и статьях Мережковского, он вполне расцвёл в начале наступившего века в зрелом творчестве «старших символистов» и в горячих порывах «младосимволистов».

Позже, когда богатые фабриканты-меценаты берутся покровительствовать новому искусству, журнал «Золотое Руно» начинает издаваться на великолепной бумаге, сотрудники его (в том числе Блок) получают великолепные гонорары, а события первой русской революции не дают чётко увидеть духовный путь обновлённой России, в символизме явственно обнаруживается кризис. Ответом на этот кризис становится полемика в среде символистов и примыкающих к ним, печатающихся в их журналах молодых авторов, и в результате – провозглашение в 1912 году нового направления в литературе – акмеизма. Акмеисты призывали перенести центр внимания в мира невидимого в мир видимый, соединить изображение внутреннего мира человека с «мудрой физиологичностью». Акмеисты пытались компенсировать тот недостаток, который стал явственным к концу двадцатилетнего периода развития символизма.

Возможно, если бы у акмеистов было больше времени, они создали бы не менее значительную поэзию и прозу, чем поэзия и проза символистов. Но история этого времени им не дала.

Что же касается футуризма, то это бунт маргиналов (деклассированных элементов) против всего на свете, энергия разрушения и демонстративный разрыв с традицией. Всплеск футуризма – 1910–1914 годы. Только истинно творческие личности, такие, как Маяковский, смогли сохранить себя в этом шабаше и позже найти свою дорогу в искусстве.

Футуризм трудно даже назвать литературным направлением, так как понятие направления подразумевает в нашем случае устремлённость, движение во времени, а его-то у футуризма не было. Акмеизм было бы точнее назвать литературной *школой*: Николай Гумилёв очень хотел видеть в работе акмеистов «студию», «школу», во главу угла ставил профессиональную выучку. Отсюда название – «Цех поэтов».

Символизм и по протяжённости развития во времени, и по динамике и напряжённости этого развития, и по количеству ярких поэтических имён достоин именоваться литературным направлением.

Итак, вернёмся на исходные позиции.

В начале 90-х годов в России Мережковский публикует книгу под характерным названием «Символы» и тогда же создаёт трактат «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Через несколько лет начинает выходить журнал «Русские символисты». В первом номере Брюсов так обозначил цель символизма: «Рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нём известное настроение».

Огромную популярность приобрёл тогда Владимир Соловьёв, на основе философских трудов которого зиждется новое поэтическое мироощущение. Соловьёв сам писал хорошие стихи, и этим был особенно близок поэтам. Число последователей символизма быстро увеличивалось, появились такие имена, как Вяч. Иванов, Андрей Белый, Блок, Волошин, Гумилёв...

Через этику и нарождающуюся философию символизма художник (по его собственным ощущениям) выходил к новым степеням духовной свободы, в результате чего символисты

переживали судьбы мистической России едва ли не более напряжённо, нежели судьбу «России за окном». При сопоставлении этих двух миров они ужасались и не находили разрешения этого противоречия иначе как во вселенском духовном перевороте. Этим самым они готовили в умах и душах интеллигенции реальную революцию.

Бесспорным духовным центром культуры Серебряного века был Петербург, потому что все перемены здесь воспринимались особенно остро. Стоит упомянуть о некоторых наиболее популярных обществах, салонах и студиях, придававших особенный колорит тогдашней литературной жизни. В доме Мурузи (дома тогда назывались по их владельцам и не имели номеров) многие годы существовал салон Мережковского и Гиппиус. Большое значение имели «среды» Вяч. Иванова, проходившие в так называемой «Башне» (на последнем этаже в круглом помещении). Возникшее «Общество ревнителей художественного слова» тоже связано с его именем. Раз в две недели на «Башне» проходили занятия, читались доклады. Эти собрания посещали А. Толстой, В. Пяст, Е. Замятин, М. Кузмин, Е. Дмитриева (Черубина де Габриак) и многие другие. Позже Гумилёв организовал «Цех поэтов», где собирались в основном акмеисты.

Весь XIX век существовали строгие ограничения на количество печатных изданий, все они подчинялись жёсткой цензуре. Когда цензура была отменена, количество печатных изданий возросло неимоверно. Эта картина полностью повторилась в конце 80-х – 90-х годах XX века, что мы все можем хорошо помнить. В Петербурге издавались многочисленные литературные журналы. Органом «Религиозно-философских собраний» у Мережковских был «Новый путь», издавался полудекадентский журнал «Вопросы жизни», альманах «Шиповник» и многие другие.

Символисты Москвы собирались вокруг журнала «Весы», чьим редактором был Брюсов. В издательстве «Скорпион», которое организовал предприниматель С. А. Поляков, выходили книги Бальмонта, Белого, Брюсова...

Символизм обнаружил бездны в каждом человеке и многократные отражения их принял за главнейшую реальность. Его представители погрузились в индивидуальность и этим самым ушли от народа. Таким образом аристократизм исканий символистов создал расслоение с реальным миром. Такое расслоение было результатом своеобразной гордыни символистов, с презрением или просто недостаточным вниманием относившихся к жизни «под ногами». Жизнь не терпит пренебрежения к себе, она вернула им это отношение и прервала дальнейшее развитие направления. Ради сохранения цельности своей личности уехал за границу Белый, вернулся – и уехал вторично. Надолго отправились в Париж Мережковские. Тяжёлый кризис в связи со смертью жены переживал Вячеслав Иванов. В далёкие странствия по экзотическим странам пустился Бальмонт, Брюсов сосредоточился на переводческой деятельности, а Блок почти перестал писать: вдохновение покинуло его.

После Октябрьской революции символизм как направление сошёл на нет, потому что грубая реальность жизни слишком жёстко заявила о себе в судьбах каждого из её представителей. Они продолжали заниматься творчеством, но не было общих планов и надежд, не было душевного подъёма, не было прежней жизни, из недр которой они все вышли.

Сквозные темы в стихотворениях поэтов-символистов

Символ и слово

Поэты – наиболее чуткие люди. Поэтами недаром называют не только собственно стихотворцев, но вообще всех людей с тонкой нервной организацией, богатым воображением и даром предвидения. Тем более эти качества присущи тем, кто занят поэтическим творчеством.

Постоянно пытаюсь нащупать тонкое, почти неосоздаемое биение жизни вокруг, уловить особенности её пульса и понять направление жизненного потока, поэты глубоко проникают в структуру мира, их интуитивные озарения поднимаются до высот философских обобщений и мистических пророчеств.

Поэт – это тот, кто улавливает в частных и изменчивых событиях проявление вечного, осевого начала. Он понимает, что очевидность не есть действительность, что повседневная жизнь только отражение и искажение истинной жизни, что в повседневности мы можем только уловить намёк на истину, её *символ*. «Любовь лишь звук», а «Кровь лишь знак», – эмоционально утверждает Зинаида Гиппиус в стихотворении «Швея». «...Всё видимое нами – / Только отблеск... / От незримого очами», – философски обобщает Соловьёв («Милый друг, иль ты не видишь...»).

Но это вечное начало запряжено так глубоко, что человеку зачастую может быть видна только та борьба, та расколотовость мира, что нарушила первозданное единство:

И как в твоей душе с невидимой враждою
Две силы вечные таинственно сошлись...

(«О, как в тебе лазури чистой много...».)

Поэт постоянно идёт по острию между несказуемостью последних тайн бытия и вульгарным искажением вырванных из своего сердца образов и слов, опошленных массовым сознанием. Это раньше словом творили и могли разрушать: «Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города» (Н. Гумилёв, «Слово»). Теперь же сам человек, восприняв божественный дар Слова, поставил его пределом «скудные пределы естества». В результате этого – первоначально живое и животворящее – слово стало формальностью, омертвело:

И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Поэт вынужден пользоваться словами, но осознаёт их неполноту; недаром Владимир Соловьёв пишет, что истинен в конечном счёте лишь «немой привет» «от сердца к сердцу» («Милый друг, иль ты не видишь...»). Сердце – не только физиологический орган, гоняющий кровь, это один из важнейших духовных центров человека. Лишь человек с чутким сердцем может понять и принять других людей, осуществить тот самый «немой привет».

Но слишком часто, становясь взрослым, человек забывает о силе искренности, сосредоточенной в сердце, забывает о том, насколько сильно мог любить и понимать в детстве, любя безгласно, но всей душой.

В последней обиде, в предсмертной пустыне,
Когда и в тебе изменяет мне всё,
Не ту же ли сладость находит и ныне

Покорное, детское сердце моё? —

вопрошает Мережковский («Детское сердце»).

Вместе с тем, трагическая раздвоенность мира велика, и человек вынужден учиться молчанию, чтобы найти ответы на свои вопросы. Ответы уже ждут людей, природа полна молчаливых символов, но человек неспособен их узреть и понять, потому что суетен и нетерпелив. «— Остановись, — призывает Волошин. — Войди в мою ограду / И отдохни. И слушай не дыша... / Учись внимать молчанию садов...» («Ступни горя, в пыли дорог душа...»).

Суметь разглядеть подлинное бытие, ощутить себя частью живого мира, понять его знаки и идти по ним — сложнейшая задача, требующая от человека максимальной сосредоточенности и самоотдачи. Человек обречён на противоречивое существование в двух мирах — мире божественной тишины и мире попыток выразить эту тишину человеческим словом.

«Мой верный друг! Мой враг коварный!» — в смятении восклицает Валерий Брюсов, обращаясь к языку и его двойственности («Родной язык»). Но из прошлого как бы отвечает ему мудрый Владимир Соловьёв, подытоживая страсти по символу и слову, и оставляя простор для будущего:

Но верится: пройдёт сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол,
И туча чёрная могучими струями
Прорвётся вся в опустошённый дол.

И светлую росой она его умоет,
Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвижно озарит.

(«О, как в лазури чистой много...»)

Противоречия культурного развития

Представители Серебряного века особенно остро ощущали назревающие мировые катаклизмы, Земной шар становился тесен человеку, и различие между культурами грозило беспощадными столкновениями. Ещё за десять лет до Первой Мировой войны и за год до первой русской революции вся планета представлялась «Залитой кровью и слезами, / Повитой смертной пеленой / И неразгаданными снами» (М. Лохвицкая. «Во тьме кружится шар земной...»). Старые истины исчерпывались и теряли смысл в новых условиях, грядущее скрывалось во мраке неизвестности.

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,
Ещё неведомые миру! —

провозглашает Дмитрий Мережковский («MORITORI»).

В истории было уже не раз, когда гибли казавшиеся вечными великие цивилизации, когда утончённая культура безжалостно уничтожалась варварами-завоевателями, этими «невольниками воли», которые по привычке ставили «шалаши у дворцов», оскверняли храмы и пля-

сали «в радостном свете костров» (В. Брюсов. «Грядущие гунны»). Но поразительная, парадоксальная диалектика развития оправдывает творимые бесчинства, «оживляя одряхлевшее тело волною пылающей крови», полной ещё неупорядоченной энергии, таким образом освобождая место для будущих построений. Предвестие и зачарованный призыв подобного кровавого обновления можно найти в строках Валерия Брюсова:

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!

«Мы гибнем жертвой искупленья. Придут иные поколения, – вторил ему Мережковский – <...> Грядущей веры новый свет, тебе от гибнущих привет!» («MORITORI»).

Поэты и философы чувствовали трагические последствия, к которым могло привести дальнейшее увеличение разрыва культур и эпох. Вместе с тем, противостояние Востока и Запада усиливало извечную раздвоенность человеческого бытия в эпицентре этого противостояния – в России.

Россия – самая огромная и многоликая страна мира, и при этом самая молодая по сравнению с территориями, её окружающими. Она всегда подвергалась разнообразным влияниям со стороны могущественных соседей, перед ней всегда стоял выбор между различными путями исторического развития. Недаром ещё Владимир Святославич Красное Солнышко выбирал между четырьмя (!) вероисповеданиями.

Исторически так сложилось, что Россия со времени Петра I была вынуждена учиться у своих западных соседей, обогнавших её в развитии науки и техники. Она в этом преуспела, но в Европе всё равно её воспринимали как страну восточную и цивилизационно чуждую. На Востоке же, в Азии, в ней видели безусловно европейское (потому что христианское) государство.

Преклонение перед Западной Европой, её духовная пресыщенность и довольство вызывали протест у многих проникательных людей того времени. Не бояться кровной и духовной связи с Востоком, воспользоваться ею! Переломить историческое пренебрежение со стороны европейцев, заставив их трепетать на рубеже жестокого обновления! Недаром Александр Блок бросает западникам в лицо смутные яростные признания: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, / С раскосыми и жадными очами!» («Скифы»). Конечно, он имел в виду тяготение русской души к восточному миропониманию. Степной Восток поэтизировался, отождествлялся с грядущей стихией радикального обновления мира:

Топчи их рай, Аттила, —
И новью пустоты
Взойдут твои светила,
Твоих степей цветы!

Это Вячеслав Иванов («Кочевники красоты») вторит Мережковскому.

Замерший Восток и косный Запад отжили своё. Должно родиться что-то новое, и битва за это новое должна состояться в России, – так мнилось Блоку, когда он призывал:

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою! (А. Блок. «Скифы»)

Россия, впитавшая в себя токи многих традиций, сумеет найти пластичную форму для потрясающих преобразований. Она, непонятая и непризнанная, вечный «Сфинкс с древнею загадкой», держит в своих руках будущее мира, готова выступить посредником между эпохами и культурами, осознав своё предназначение: «В последний раз – опомнись, старый мир! / На братский пир труда и мира <...> / Сзывает варварская лира».

Но это будет не старая Россия, это будет неведомое ещё построение, со своими законами и путями развития. Неизвестно, что из ныне творимого пригодится для будущего. Обусловленные историческими рамками, могут погибнуть, как ненужные, все культурные достижения:

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий случай
Из наших заветных творений? —

вопрошает Брюсов («Грядущие гунны»). Но, осознавая неизбежность нового дня, бессмысленно цепляться за ускользающие тени прошлого, остаётся лишь приветствовать новый, а потому страшный рассвет:

Бесследно всё сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Пронзительное ощущение исторического перепутья, приближающегося скачка в новую эру, — именно оно породило всю культуру серебряного века, все горячечные метания и призывы наиболее чутких и умных людей того времени. Заканчивалась инерция долгого движения, тени на карте мира исчезали, заливая духовно опустевшие пространства призрачным светом нарождающегося дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.